

Владимир СОЛОВЬЕВ

РУССКАЯ РУЛЕТКА

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ
НОВЕЙШЕЙ
ИСТОРИИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Владимир Соловьев

**Русская рулетка. Заметки
на полях новейшей истории**

«ЭКСМО»

2011

Соловьев В. Р.

Русская рулетка. Заметки на полях новейшей истории /
В. Р. Соловьев — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-51496-0

Недалекие 90-е уже стали историей. Но в памяти каждого из нас еще живы метаморфозы времени. В своих заметках на полях новейшей истории известный журналист Владимир Соловьев затрагивает наиболее значимые события, имеющие далекоидущие последствия в судьбе России: зарождение российской демократии; возникновение многопартийной системы власти; «действующие лица» правых и левых сил; криминальный разрез переходной экономики; разгул коррупции и чиновничий беспредел; противостояние Президента и олигархов.

ISBN 978-5-699-51496-0

© Соловьев В. Р., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Предисловие ко второму изданию	5
Мое открытие Америки	6
Совковый след в биографии	11
Вожделенные пайки – вехи истории	14
Рыночное головокружение	16
Ростки свободы	18
Путч – странный август 1991-го	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Соловьев

Русская рулетка. Заметки на полях новейшей истории

Предисловие ко второму изданию

Впервые книга «Русская рулетка» увидела свет еще до победы чиновничьего феодализма – то есть на рубеже первого и второго президентского срока Владимира Путина и, естественно, до выбора Дмитрия Медведева в президенты Российской Федерации. Книга очень четко расставляла акценты 90-х, и с большим удивлением можно отметить, что она вновь стала актуальной после того, как члены семьи Бориса Николаевича Ельцина стали давать иные оценки последнему десятилетию XX века.

Совершенно неожиданно для ряда так называемых демократов 90-е стали восприниматься чуть ли не как наша классика, античность. В тот же самый момент, по меткому выражению Глеба Павловского, для некоторых ура-патриотов такой же античностью является советский период. На мой взгляд, ошибочна как одна, так и другая точка зрения, поэтому так велика актуальность этой книги и поэтому необходимо ее продолжить и обратить внимание на ряд новых тенденций, появившихся за пять лет, прошедших после ее написания.

Если угодно, второй срок президента Путина является подтверждением печальной мысли, которая звучит так: демократия, бесспорно, крайне неудачная форма управления страной. Единственная проблема в том, что она же и единственно возможная, так как другие еще хуже.

В конечном итоге попытка отойти от демократии в России не предпринималась. Было бы честнее сказать, что предпринималась попытка прийти к демократии, но она оказалась настолько слабой и неудачной, что даже при всем желании возвратиться было бы некуда. Поэтому, как уже отмечалось в книге, то, что наивно считалось демократичными 90-ми, на самом деле было антикоммунистическими 90-ми. К сожалению, антикоммунизма оказалось не достаточно ни для построения справедливого общества, ни уж точно для создания нормальной капиталистической экономики.

Кроме того, если важной задачей первого президентского срока Путина была победа над олигархическим капиталом, то во время второго срока вдруг стала ясна цена этой победы.

С ужасом надо отметить, что структура, победившая дракона, успешно заняла его место. По большому счету, при том, что люди получили некое временное благополучие – благодаря, в частности, перераспределению средств, благоприятной конъюнктуре, высоким ценам на нефть и, бесспорно, социальной ориентированности многих федеральных программ, – не было сделано главное. Так и не удалось создать систему, обеспечивающую правовое, экономически ориентированное государство, в котором было бы приятно, свободно и безопасно жить.

Мое открытие Америки

В начале осени 1990 года я встречался с президентом США Джорджем Бушем, тогда еще просто, а ныне старшим. Человек триста активистов Национального республиканского комитета, пришедших на ужин Президентского клуба, долго рассаживались десятками за большие круглые столы, украшенные табличками с их именами.

Каждый стол был окружен штакетником политкорректных разнополых, разновозрастных и разноцветных официантов в белых куртках. Они должны были олицетворять равенство возможностей, и, кроме одежды, их объединял жуткий английский, который они коверкали всякий на свой лад. Потом нас невкусно кормили, не спрашивая о предпочтениях, а просто меняя блюда по некоей не слышимой нами команде.

А может быть, я уже все забыл и память услужливо заменяет такими воспоминаниями реалии того события. Ведь все это мне так представлялось. Должно быть, и еда была хороша, а я просто страшно волновался, вплоть до атрофии вкусовых рецепторов.

Я точно помню, что очень ждал выступления президента, которое и состоялось после десерта, но вот что он говорил? Остались какие-то обрывочные воспоминания об этом вечере и фотография, на которой Джордж, Барбара и я – что забавно, все настоящие (это я к тому, что меня часто спрашивали, не фанерные ли они, а я всем хохмил: они, мол, нет, а я так да). Говорил правду: я тогда был, ну, если и не фанерный, то точно деревянный. Буратино – руки-ноги не гнулись, во рту пересохло, улыбаюсь в объектив фотоаппарата так, что челюсти сводит, и мелькает рой дурацких мыслей от «так если бы было надо, я бы его прямо тут голыми руками задавил» до «а ведь за такую фотографию и орден Красной Звезды могут дать».

Это я привожу мысли из советской части мозга, другая же гордилась мной и была счастлива: именно благодаря ее активной мыслительной деятельности я и оказался на этом ужине и минут десять стоял рядом с президентской четой, говоря о судьбах России. Барбара Буш, очаровательная всеамериканская бабушка, смотрела на меня с нескрываемым удивлением: я был единственным неамериканцем среди участников вечера, не одетым в куртку официанта. А г-н президент вежливо завязал со мной разговор о советско-американских отношениях. Тогда мы были в моде, примерно как в какой-то период времени увлечение икебаной, а потом плетеной ротанговой мебелью, и обсуждение шло на уровне великосветской беседы, краткой, улыбочивой и ничего не значащей.

Мне запомнилась моя фраза во многом потому, что перед тем, как произнести, я раз двадцать проговорил ее про себя, опасаясь совершить ошибку в построении или произношении, – разговор-то мы вели без переводчиков. Я сказал: «Нельзя давать деньги – разворуют, лучше выдавать кредиты оборудованием и технологией, а вот деньги в России отследить невозможно, и уже завтра на них вырастет новый дракон». Буша эта идея удивила, хотя не думаю, что он ее запомнил. Скорее это было изумление тем, что я, 27-летний в ту пору нахал, даю какие-то советы, а не поддерживаю плавное течение беседы междометиями.

Чтобы не возникло ощущения моей бесконечной мании величия, уточню: никакой моей заслуги в нахождении в столь знатном обществе не было. Просто так распорядилась судьба. Мой друг, Джон Хатавей, был активным республиканцем и поддерживал президента всем, чем мог, от денег до сбора подписей, а я был рядом с ним, так как буквально за пару месяцев до этого приехал преподавать в университет штата Алабама в городе Хантсвилл по приглашению, инициированному Джоном. И уже вместе с ним стоял на ступеньках алабамского Капитолия в столице штата городе Монтгомери, собирая подписи в поддержку солдат, участвующих в операции «Щит пустыни», – то есть речь идет о первой иракской кампании.

Вы бы видели озадаченные лица американцев! Услышав мой призыв на английском, очень далеко от их фонетических стандартов, они спрашивали: «А каких именно солдат вы

поддерживаете, молодой человек?» Сейчас это представляется какой-то сказкой, иллюзией. Это было не единственное, чем я, да и все мы, приехавшие в то время из Советского Союза работать или учиться, изумляли американцев. Я помню, как Джон, критически посмотрев на меня, забраковал мой прекрасный финский темный костюм, в котором можно было легко выдержать двадцатиградусный мороз, настолько он был плотным, и замечательные светло-серые ботинки «Саламандра», купленные по талону в магазине для новобранцев на улице Димитрова в Москве, которые я всегда гордо носил с белыми таллинскими теннисными носочками, и чудо какой пакистанский батник с клапанами и погончиками. Да и темный галстук из неведомого природе полимера тоже его не впечатлил, хотя я всегда надевал на особо важные мероприятия этот боекомплект и никто не жаловался.

Мы отправились в ближайший молл, и в каком-то большом магазине произошло превращение молодого советского кандидата наук в среднестатистического республиканца: в правильном темном костюме, темных ботинках, простой, но по-американски плотной белой рубашке, под которой, несмотря на жаркий климат, полагалось носить майку – так как именно она лучшее средство от пятен пота, а отнюдь не кумир командированных той поры «Олд Спайс». Именно тогда я запомнил раз и навсегда, что носки под темным костюм не могут быть светлыми и что красный цвет галстука – это не только вкусовые пристрастия, но и цвет республиканской партии.

Так что культурологического шока у четырех Буш удалось избежать с помощью Джона.

Очевидно, что Джон с ними дружил, и меня еще тогда поразило, что Джордж заметил Джона в общей толпе, поприветствовал его по имени и пару минут перекидывался с ним шутивными репликами. У Буша-старшего наполеоновская память на имена, в чем я и сам смог убедиться, когда через пару лет, увидев нас с Джоном в Белом доме, он обратился к нам по именам.

Наблюдательный читатель, помнящий советские времена, конечно, не может не задать правомерный вопрос: а откуда у вас, товарищ (а в зависимости от вашего ответа, может быть, и гражданин) Соловьев, американский приятель? Все хорошо, фу-фу, сидеть и не рычать – товарищ я, товарищ. Познакомился по заданию партии и комитета молодежных организаций (КМО) во время саммита молодых политических лидеров США и СССР, проходившего в Москве в пору внезапной, но осторожной любви официоза к Америке.

Последние лет пятьдесят отношение к Америке всегда было лакмусовой бумажкой мироощущения собеседников и степени свободы нашего общества. Я плохо помню политическую жизнь середины 70-х – по тривиальной причине моей излишней молодости в то время, – но вот конец того десятилетия и все последующие за ним прошли через меня.

Любить Америку было правильным. Единственно правильным; чем больше официальная пропаганда боролась против американского империализма, тем притягательней и человечней он казался. Когда в рамках Московской книжной ярмарки появился журнал «Америка», посвященный какой-то круглой дате, он воспринимался как сборник сакральных текстов и иллюстраций. Я навсегда запомнил замечательную фотографию сочных ярких апельсинов – во всю страницу одни апельсины. Даже этот яркий калифорнийский солнечный цвет цитрусовых воспринимался как протест против серости и безликой скромности того, что несколько позже Александр Градский так точно окрестит совком. Если напрячься, то я и сейчас вспомню почти все материалы того номера, настолько все изложенное в нем походило на инопланетную форму жизни, на другую, мощную и гуманную цивилизацию.

Америку было модно официально клеймить, а следовательно, все хоть сколько-нибудь уважающие себя представители интеллигенции ее обожали. Знали о ней не много – все больше по Фенимору Куперу, Джеку Лондону, О. Генри с Марком Твенем и прочими дозволенными авторами да по хлестким репортажам об акулах капитализма, которые под тревожную музыку разоблачались в телевизионной «Международной панораме». Знали по шурующим сквозь

помехи эфира зарубежным голосам, с неповторимо обаятельным акцентом рассказывавшим о джазе и политике, и в слушателях тем самым зарождалась убежденность в собственной смелости и неотвратимой мести советской власти, которая все равно застучает и упечет на Соловки.

Тогда мы очень четко понимали, чего не хотим, и страстное желание перемен строилось на отрицании вязкой трясины фальши, которая покрывала нас с головой.

Идеологический дракон старел, и система подавления инакомыслия постепенно давала сбои; его уже не давили в зародыше, однако и до заметных размеров разрастаться не рекомендовалось. В какой-то момент научно-технической интеллигенции стало даже удобно немножко диссидентствовать. Самую чуточку, на кухне, почитывая по ночам самиздатовскую литературу, вскрывающую все недостатки системы пятидесятилетней давности.

Сейчас похожую смелость выказывают государственные телевизионные каналы, демонстрируя образцы вольнодумства, вскрывая тайны начала прошлого века и уже – почти – ничего не опасаясь. От собственной неопишуемой смелости у них аж дух захватывает и просыпается чувство искреннего самоуважения. Государственный журналист уже неотличим от телевизионного историка, когда широким мазком переписывает прошлое в угоду новому высокому заказчику.

Двадцать лет назад это было честнее. Государственная система сохраняла преемственность с 1917 года и ой как могла напомнить о своем революционном прошлом, так что интеллигентничать дозволялось в разумных пределах и не увлекаться. Как говорили и тогда и сейчас – без фанатизма, друзья.

Слишком резкие движения приводили к необратимым и тяжелым последствиям, вплоть до специализированных лечебных заведений, а то и просто зоны – но, конечно, по неполитическим статьям. Только в это время мог отправиться в зону интеллигентный еврейский мальчик, попавшийся на распространении кришнаитской литературы. Ему было мало тихих забав с поиском самоидентификации и попыткой уехать на историческую родину? Конечно, своим непредсказуемым поведением он насмерть испугал людей с тяжелыми взглядами, так как перестал попадать в клеточку классификационной таблицы диссидентских ересей, а следовательно, становился опасен. Сигнал поступал в головной мозг, и принятое решение всегда оказывалось неотвратимым.

Вот в этой атмосфере, о которой Наум Коржавин сказал, что она невозможна в связи с отсутствием кислорода для жизни, все, что приходило из Америки, было абсолютно истинным.

До сих пор атавизм веры в американскую непогрешимость силен в людях, по праву считающих себя интеллигентами. Мы с решительностью камикадзе бросаемся отстаивать страну, от нас этого не ждущую и зачастую удивленную такой самоотдачей. Американцы совершенные прагматики, и им не понять, что истинные патриоты Америки живут вдали от континента девушки с факелом.

Это не наш недостаток, скорее данность. Долгое проживание в затхлом воздухе вырабатывает инстинктивное стремление распахнуть окно, а вот что окажется там, уже не столь важно. Два коротких пояснения. Первое – классический советский анекдот. Рабиновича вызывают в ЦК и спрашивают: «А с десятого этажа ради дела партии прыгнете?» – «Конечно, ведь лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас».

Второе – из личного опыта. Америка насквозь кондиционирована и расположена в нескольких климатических поясах. Впервые прилетев в прохладный Нью-Йорк, я прохожу все формальности в кондиционированном аэропорту имени Кеннеди и оказываюсь в зубодробительно остуженном самолете, летящем в Форт-Майерс, штат Флорида. Прилетаю в столь же охлажденный аэропорт, где меня встречает Джон в шортах, не без изумления смотрящий на мой боекомплект (описание выше). Садимся в его машину, раскалившуюся под солнцем, я, как всякий советский человек, открываю окно, в уверенности, что на улице-то воздух попро-

хладнее будет, и меня обдаёт горячей влагой. Урок: то, что здесь душно, не означает, что там есть чем дышать, но от этого осознания воздуха не прибавляется.

Не поймите превратно – в Америке есть чем дышать, но это их воздух, их путь развития, прекрасная, построенная ими для них жизнь. Многие наши, приезжая туда на ПМЖ, до сих пор чувствуют себя несчастными, в каждой беседе с туристом пытаюсь доказать ненужность своего отъезда. Абсолютная глупость. У каждого своя судьба. Кто-то ненавидит Америку за то, что она больше, чем ненавидящий ее, и живет по своим законам, приказывая тебе им следовать, а если ты не хочешь, заставляет тебя. При этом законы правильные, но иные, они построены на базовых принципах, которые нам чужды уже в силу исторических и моральных особенностей.

Главный из них – уважение к себе и осознание святости закона и равенства всех перед ним. Я часто задаю вопрос: а что лежит в основе современной демократии? И слышу много разного. Мой собственный ответ таков: осознание святости частной собственности, так как в первую очередь закон защищает ее. Именно это лежит в основе юридической пирамиды американского общества, именно на этом основополагающем принципе зиждется и вся философия американского общества и образа жизни. Конечно, для нас это пшик. В России никогда не было никакого уважения к частной собственности, как, впрочем, и собственности, а уважение к закону и правовое сознание всегда заменялось клановым. «Ну как не порадовать родному человечку?» Те из наших, кто пытался побороть общинно-нищенскую психологию, основанную на принципе «все вокруг советское – все вокруг мое, поэтому тащи все, что можешь», в Америке адаптируются быстро, а вот мечущиеся интеллигенты, не уважающие окружающих и погруженные в себя, оказываются на обочине жизни.

Но тогда мы не знали Америки, хотя и сейчас многие ее не знают и пишут дурацкие пасквили об этой великой стране, нахватавшись идиотизмов из красной прессы.

Для нас Америка была страной за окном, свежим воздухом, мечтой, абстракцией.

Каждый американец казался молекулой кислорода. Они об этом не догадывались, зачастую оказываясь не молекулами, а живыми людьми со свойственными им недостатками. Разочарование накапливалось постепенно, и немалую роль в этом сыграли и те иностранцы, которых мы здесь встречали, да и они сами не очень понимали наши ожидания и им не соответствовали.

Вот один из примеров того, какие мы разные. В Америке сейчас судят их прихватизаторов за нечистоплотность ведения дел в России, наши же чубайсы и кохи замечательно себя чувствуют и задействованы не только в экономической, но и в активной политической жизни, продолжая своим присутствием дискредитировать правую идею.

Изменилось чувство к американцам после того, как жизнь не стала лучше. Надо бы винить себя, но это не в нашем характере. Мы-то ведь думали, что достаточно любви к звездно-полосатым – и все будет хорошо. Оказалось не совсем так. Иностранцы не понимали всего происходящего в нашей душе и ехали сюда с иными ожиданиями.

На заре перестройки каждый приезжавший в СССР американец ощущал себя пионером Дикого Запада и миссионером в одном лице. От нашей действительности у них происходило переполнение клеточек головного мозга, и они впадали в благородный ступор.

Любимые шутки были связаны с кириллицей и русскими девушками. Они все никак не могли понять, как можно есть в «пектопа» – так звучал ресторан, если прочитать это русское слово по-английски, и каким образом происходит превращение любого тупого урода с долларами в объект вожделения потрясающе красивых молоденьких русских девушек. Очевидные объяснения им в голову не приходили, и девчонки оказывались в статусе жен в США. Вот тут-то и наступало грустное прозрение – вместе с грамотно проведенными бракоразводными операциями, хотя и не сразу, а лишь по прошествии времени и приобретении нужного опыта.

Доллар воспринимался как знак надежды, как росток будущего несметного богатства и имел колоссальный магический смысл. Зарплата в долларах превращала тебя в супермена, под-

нимала по социальной лестнице на неведомые высоты, туда, где нет и не могло быть никого из прошлой номенклатурной жизни с их смешными чеками разных серий в «Березке».

Символ свободы – кооперативы расцветали в совместные предприятия, как цветы после дождя, при появлении в жизни учредителей любого случайно попавшего в Россию иностранца. О качествах этих гостей нашей родины говорить не очень хочется.

Скажем, были и остаются до сих пор замечательные, увлеченные, честные слависты, которые все мечтали понять таинственную русскую душу. Другие поддались моде и занялись здесь бизнесом, с годами остыли и осели в больших компаниях, а кто-то вернулся в свое американское захолустье с багажом ярких воспоминаний и пережитых венерических болезней и русской женой.

С одним из таких романтиков я познакомился году в 1989-м, его звали Роберт, и он чем-то напоминал героя голливудского фильма. Что-то щелкнуло в его американской душе, и, бросив богатых родителей и размеренную жизнь, он в один прекрасный день оказался во Владивостоке, где решил придать актуальности своему знанию русского языка, проехав на поезде до Москвы.

Мой близкий друг хорошо знал девушку, которая позже стала женой американца, так что в какой-то момент мы все оказались в одной компании.

В Москве стоял компьютерный бум, все деловые бегали и пытались купить и продать пару контейнеров экстишек, а вот Роберт мог их купить у себя дома, что превращало его в золотого мальчика. Путем сложных комбинаций он оказался на приеме у Иосифа Орджоникидзе, в ту пору уже чиновника, и поразил всех тем, что за время беседы на русском языке так и не опустился до использования нормативной лексики. Мат стоял такой, что сделка провалилась. Роберт был огорчен, но осознал, что язык поезда несколько отличается от языка общения в официальных кругах.

Приезжали наивные предприниматели, такая иная разновидность Робертов, убежденные, что имеют дело со страной непуганых идиотов, где можно в момент сделать сумасшедшее состояние, – они звонили в торговое представительство при американском посольстве и, поинтересовавшись стоимостью водки «Столичная» в московских магазинах, просили прислать пару контейнеров на тысячу долларов, которые они готовы переслать по почте.

Были и первостатейные жулики со всего мира, почувствовавшие легкие деньги вкупе со слабостью правоохранительных органов и выбравшие Москву своим пристанищем.

Общение с разнообразным международным сбродом, который хлынул в Россию и смешался здесь с нашим людом схожего свойства, не могло не дать всходов.

Поясню. Влюбленные в свободу романтики попытались вырваться в Штаты и Европу или совершить алию на историческую родину, и многим это удалось. А вот люди, занимавшиеся в России кооперативным движением, не очень-то походили на этих самых трепетных интеллигентов. Конечно, были и честные фарцовщики, и сутенеры, и мелкие стукачи, но, как правило, все в одном лице, ибо без отсидки или легкого стукачества долго заниматься промыслом было не очень-то и возможно. Но по прошествии стольких лет, когда они стали уважаемыми членами нового постсоветского общества, им так не хочется вспоминать доверительные беседы с комитетчиками! И память услужливо оставляет лишь страницы героического предпринимательского прошлого.

Совковый след в биографии

Сейчас уже многое стало забываться, но ведь в те годы далеко не все занимались фарцовкой, и даже не все пользовались услугами этих людей. Как-то так получилось, что считавшееся постыдным тогда теперь воспринимается как ростки нынешнего успеха. В истории практически любого олигарха будут трогательные страницы воспоминаний о лихой молодости. Билетные мафии, спекуляции либо конвертация комсомольской активности в предпринимательскую – расцвет кооперативов, молодежных научно-технических центров и тому подобных структур, суть которых всегда была чуть с душком, примерно как сейчас сдача в аренду помещений, принадлежащих государству в разных его ипостасях, с ежемесячной данью директору. Все было построено на существовании дыр в советском законодательстве, и поиск таких прорех и служил основой для внезапного обогащения. Забавно посмотреть на весь спектр комсомольских деятелей, внезапно разбогатевших за счет уже осознанного расширения прорех на теле государства, – от Ходорковского до Лисовского. Не собираюсь отнимать у них предпринимательских способностей, хочу лишь отметить заниженную нравственную планку.

Я понимаю, что в советское время мы жили в обстановке двойной морали, была правда официоза и правда маминых бесед, перерастающих в кухонные посиделки с друзьями.

Ложь государства вызывала ненависть, и рупоров совковой идеологии не любили.

Каждый прошедший советскую школу может рассказать свои истории моральных разочарований.

В 1978 году из нашего класса уезжала за границу с семьей Наташка Честная. Она принесла конфет, класс устроил прощание, а через несколько дней к нам пришел кто-то из школьного руководства, и стало ясно, что отправились они не в командировку, а на ПМЖ. Что тут началось! Дети стали по собственной воле вставать и клеймить предательницу. Что меня удивляло: ведь это были нормальные мальчики и девочки, но в момент выполнения своего священного долга по разоблачению врага они скорее походили на маленьких зомби. Апофеозом стала фраза мальчика, впоследствии женившегося на иностранке: «Если бы я знал, что это конфеты врага, то я бы выплюнул их ей в лицо». Конечно, потом стало правильным стыдиться подобных взглядов, и, когда лет десять спустя Наташка приезжала в гости в перестраивающийся СССР, этот мальчик публично каялся, уже с чувством и жаром по собственной инициативе объяснял Наталье, почему он так поступил, заедая слезы раскаянья сладостями, привезенными из США. Не сомневайтесь – жизнь мальчика удалась, он занимается бизнесом в медицинской сфере. Виноват ли он в том, что случилось? Конечно, но и система советского идеологического воспитания тоже подсуропила. Ученик нашел учителя.

Ложь и двойные стандарты были повсюду. В середине 80-х мой приятель Алексей Бурлацкий рассказал мне о синекуре. Если хочешь поехать в командировку за границу к капиталистам, то можно, не проходя всяких райкомов и минуя поездки в соцстраны, устроиться переводчиком в Комитет молодежных организаций (КМО). Идея не могла не понравиться, и я, будучи аспирантом ИМЭМО, прошел собеседование и стал привлекаться к проведению мероприятий как в СССР, так и за его пределами.

Учитывая, что язык я знаю английский, отдел у меня был что надо. В штате под видом комсомольцев-международников скрывались молодящиеся гэрэушники с пэгэушниками да дети больших чиновников. КМО точно являлся школой жизни. Во-первых, ребята были очень богаты по тем временам, что было неудивительно, так как возможность поездки за границу моментально давала доступ к валюте и к импорту – а это уже иной социальный и имущественный статус.

Проданная даже через комиссионный электронная безделушка означала море рублей для роскошной жизни. Не случайно трехлетняя командировка за рубеж кормила семьи долгие годы

и позволяла с уверенностью смотреть в грядущее, отражающееся в кинескопе голубой мечты советского человека – «Сони». Неболгарские дублировки были у детей только этой социальной группы.

Каэмошные ребята были пошустрее. Задача развития международного молодежного сотрудничества могла решаться только путем регулярных обменов делегациями разного уровня, что и приносило немалые деньги.

Моя первая поездка была в Ирландию, нас было трое: молодящийся ветеран всех возможных тайных войн Бурейко, ребенок которого не мог потреблять в пищу блюда, не одобренные кетчупом «Хайнц», бывшим по тем временам дефицитом похлеще черной икры, секретарь партийной организации аппарата Центрального комитета ВЛКСМ, имя которого я уже и не вспомню, настолько меня тогда поразила должность, и я, аспирант ИМЭМО, но выпускник технического, то есть непрестижного, вуза.

Задача была четко поставлена секретарем, наивно полагающим себя старшим (соответственно, Бурейко – сопровождающий, я – толмач): «Вы тут делаете что хотите, но я должен уехать домой с видеоманитофоном». Бурейко оценил ситуацию и вежливо спросил: «А видеоплеер подойдет?» Получив утвердительный ответ, он успокоился. Я не понимал, как можно выкроить из наших командировочных сумму на что-нибудь дороже мороженого или пары колгот. Урок в буквальном смысле политической экономии последовал довольно быстро.

Оказывается, существовала целая система легкого надувательства государства. Командировочные – это так, подачка, но ведь были и деньги, выделяемые на проживание, а это уже ого-го – целых 50 фунтов на человека (могу за давностью времени ошибиться в цифрах). Так что если обормотов трое, да на семь дней, то это уже кое-что: 1050 плюс расходы на такси и непредвиденные – итого 1500 в карман, что маловато сейчас, но целое состояние по тем временам. А бумаги делались просто: принимающая сторона всегда платила, а в гостинице брали копию счета, вот и весь отчет бухгалтерии; да и таксист выдавал пустых бланков за 5 фунтов, так что списывай любую сумму – тогда у них еще кассовых аппаратов не было.

Поездку в Ирландию я не забуду никогда. Уже на первой встрече выяснилось, что секретарь не владеет как английским, так и русским языком, цель своей поездки уже сформулировал для нас, а страна пребывания его особо и не интересовала. О целях товарища Бурейко я знать не мог, так как глаза его все время подпрыгивали, разрываемые нервным тиком, а ноги стремились в магазины выполнять заказы домашних. Да и иностранных товарищей из молодежного крыла рабочей партии больше волновала матпомощь от советских братьев, чем идеологическая работа. А мне там понравилось – во-первых, я впервые очутился за границей, во-вторых, Ирландия оказалась фантастически красивой страной, в-третьих, у меня появилась возможность все время говорить на языке, пусть и очень сильно отличающемся от того, который я учил в спецшколе.

Когда мы только прилетели в Шеннон и подошли к паспортной стойке, у меня чуть не случился инфаркт. Офицер ко мне обращается, а я не понимаю ни слова: язык, на котором он говорит, мне незнаком и не имеет ничего общего с тем, который я учил. Ну, думаю, все, вот тебе и переводчик. Через небольшую паузу выяснилось, что до нас был рейс из Парижа и ирландец, решив, что я француз, пытался сделать мне приятное – вот уж точно порадовал. Шок прошел только в пивной по дороге из аэропорта, где всегда останавливался Бурейко.

С какого-то момента все общение с ирландцами лежало на мне, секретарю это было не надо, и во время второй встречи он мне сказал: «Володь, да ты нам ничего не переводи, сам знаешь, что им ответить». Бурейко английским владел, но в беседы не вникал.

Перед самым отъездом на родину он подошел ко мне и тихо сказал: «Тут вот нарисовалось два видеоплеера, один тебе». Я не ожидал такой щедрости. Подумав, Бурейко добавил: «Вези лучше без коробки, в вещах».

Давно это было, многие из КМО разбрелись по свету, некоторые стали депутатами Госдумы, чиновниками, кто-то предпринимателями, кто-то канул в Лету. Комитет давал уровень связей, немислимых простому советскому человеку, и вот уже появляются совместные предприятия, в которых большую роль играют вчерашние деятели всех разведок, сменившие кепи молодежных функционеров на предпринимательские одежды.

Именно через КМО налаживали первые контакты с СССР и Лайонс-, и Ротари-клубы, и, конечно, стоящие за ними масоны. Принимавшие непосредственное участие в процессе молодые и активные чекисты четко осознавали колоссальные выгоды от членства в этих обществах. Духовность всегда была формой прикрытия, на которую и не стоило обращать особого внимания, поэтому в России очень скоро многие из таких организаций превращались в своего рода клубы по интересам, с колоссальной скоростью трансформирующиеся в подобие мафиозного клана.

А где мафия – там разборки, борьба за власть, интриги, и вот появляются конкурирующие масонские движения, столь недавно еще объединявшие комсомольцев и чекистов, а теперь уже выдающихся предпринимателей, которые, как пауки в банке, грызутся за признание их международными организациями, рассылая в штаб-квартиры пасквили друг на друга. О смысле масонства их и не надо спрашивать – старые методы вербовки приобретают иную раскраску, но сути не меняют. Младомасоны остались комсомольцами. Внешняя форма для них важнее сути.

Ложь во всем.

Модно иметь свою секту при крупном холдинге. Тайные знаки, ритуалы, то галстуки красные повязывали, теперь плечи обнажают.

Поиск новых идей всегда привлекал комсомольцев. Я помню Дмитрия Рогозина в те времена – обаятельный высоченный парень с хитрющей улыбкой и ярыми республиканскими взглядами американского образца. Тогда он работал с молодыми республиканцами США и не мог не перенять их идеологии, с годами это трансформировалось в иную позицию, но нечто от проповедника-евангелиста в манере убеждать осталось. Российская элита тяготела ко всему антикоммунистическому, поэтому даже намеки на социализм, существовавшие во взглядах демократической партии Америки, были табу. Антикоммунизм был повсюду, свобода и рыночный курс казались панацеей от всех бед, причем, как водится, слово ценилось выше дела.

Все строилось на базовой вере, что если заклеить проблему и выкрикнуть слово правды, то мир изменится, отрицания лжи достаточно. Вечная беда Левши – отдать жизнь за тривиальную истину «англичане кирпичом дула не чистят». Меня всегда эта история бесила. Разве это и так не ясно? Зачем так умиляться пропойце? Это у нас в характере. Вечно друг другу правду открываем, все слова, а как доходит до дел, то любое воровство прикрываем высокими идеалами. И вот уже не «всю страну обворовали залоговыми аукционами», а «победили гидру коммунизма».

Однако то, что на ее месте вырастили гидру олигархов, уже никого не волнует, хотя для меня просто первых секретарей райкомов партии сменили третьи секретари райкомов комсомола – та же сволочь, но поподлее.

Вожделенные пайки – вехи истории

Дед был в партии пятьдесят лет и гордился этим. Сейчас я понимаю, что он был прав. Он гордился не членством и не идеологией, а прожитой жизнью, за которую его нельзя было не уважать. Оставив зажиточную еврейскую семью, он в четырнадцать лет уходит на завод рабочим, потом ЧОН, ранения, 20-тысячный партийный призыв, ХАИ, жизнь в авиации, война, награды, работа, любовь на всю жизнь к одной женщине, золотая свадьба, прекрасные дочери, внуки, друзья – и ни одной отсидки. В 30-х и 50-х подбирались близко, но сослуживцы не сдали. Деда хоронили все Фили, и до сих пор я встречаю много людей, для которых важно, что я внук Шапиро. О нем ходили легенды, как во время войны он каждое утро начинал с построения личного состава и, проходя, тыкал пальцем в щеки, так как если опухали от голода, то оставалась ямка. Многие кормили своими пайками семьи, а сами недоедали, и дед выбивал для них допитание. Еще рассказывали, как на аэродром сел бомбардировщик, пилот потерял сознание, а самолет двигался по направлению к другим машинам. Тогда дед вскочил на подножку «Виллиса» и крикнул: «Гони!» – и они догнали самолет, дед забрался по крылу к фонарю, ударом кулака разбил его и остановил самолет, за что получил орден. А сколько историй он никогда не рассказал, потому что был секретным и до конца своих дней боялся, что нельзя и что за ним придут! Лишь после его смерти по документам я узнал, что он что-то делал и во время Ялтинской конференции, и многое-многое другое. В каждой семье есть такие истории. Однако вернемся к прозе жизни: на закате деду от советской власти перепал золотой значок «50 лет в партии», персональная пенсия аж в 120 рублей и мечта всех советских домохозяек – продовольственный паек.

Пустые прилавки и набитые холодильники, вечные проблемы женщин того времени – где бы достать продукты и как похудеть, уже забытый вкус сайры в масле и бычков в томате и гордость от того, что рыбный «Завтрак туриста» похлеще импортных отравляющих веществ. В ресторанах ты не заказывал, а соглашался со списком оставшихся блюд, при этом заплатив за вход официанту сумасшедшие деньги и чувствуя себя уже почти изменником родины.

Качество продуктов определяло положение на социальной лестнице. В нашем классе училась Алла Исумер. Ее папа Борис не мучился наличием образования, но у них дома было все, вплоть до Кобзона на день рождения, хотя это скорее всего легенда. Борис Исумер относился ко мне хорошо и, угощая меня неведомыми по красоте и вкусу продуктами, объяснял суть своего существования. Товарищ Исумер был хорошим, честным человеком и работал где-то на базе, через которую шли товары в продовольственные «Березки». Он принципиально не воровал, а наличие феноменального достатка объяснял просто: «Это у них есть усушка, утруска и допустимый бой, – для нас это чистая прибыль». У Алки дома было все – бананы в шоколаде, ликеры «Боллс» невероятных вкусов и цветов, нарезки, сыры, фрукты.

Еда была даже мерой взятки. Помню, как на военной кафедре Института стали и сплавов майор Воцанкин потребовал от меня добыть балык осетровых рыб, и я не смог решить эту задачу, иначе как купив требуемый дефицит в ресторане «Академический» напротив.

Но паек – это было не разовое вливание, а статус. В него входили лосось в банке, икра красная, икра черная, гречка, сервелат и прочая. До сих пор вспоминаю это унижение со смешанным чувством. Как дед радовался, что кормит семью, – и он был прав, деньги значили меньше возможностей.

Удивительно: когда в конце 80-х я преподавал в школе, параллельно учась в аспирантуре, пайки по-прежнему были, и неплохие, а еще замечательно работал школьный буфет и можно было прикупить мяса, которое состояло не только из жил и костей, как тот товар, что валялся в магазинах в окружении ливерной колбасы за 56 копеек. От ее вида даже бродячих псов охва-

ывали кишечные колики, а мы так даже есть ее научились, зажарив до корочки и залив яйцом за 90 копеек десяток.

Эпохи разделялись по воспоминаниям о еде. Дед все вспоминал какую-то колбасу 60-х в горшочках и раков, которых продавали из ларьков в дни демонстраций. Я помню недолгое изобилие в магазинах конца 70-х – время дорогой нефти, когда была вкусная докторская колбаса, вологодское масло и жуткий деликатес – шоколадное масло, которое так радовало вкупе с теплыми калорийными булочками за 10 копеек. С годами они утратили вкус и выросли в цене до 19 копеек, прикрываясь названием «Кекс «Весенний». Или это был кулич – уже и не вспомню. А как замечательно готовили мамы и бабушки! Какая была выпечка, какие салатики: оливье из всякой всячины в тазике, печень трески с яйцом и луком, свекла с черносливом, орехом и майонезом, а селедка под шубой, а мясо по-французски! И как они гордились умением разделять и готовить курицу, советскую, синюю (венгерская с потрохами в целлофане, запрыганными в глубины, была редкостью). А миллион блюд из картофеля, а зеленые бананы, которые дойдут в сухом и темном месте. И вдруг яркие краски Олимпиады – соки в пакетиках, нарезка финского сервелата, болгарская жвачка, новороссийская пепси-кола в удивительно мелкой таре и наш зеленющий тархун, заслуженно называемый трахуном за мыльный вкус и самопроизвольное вспенивание в желудке.

Странно сейчас вспоминать об этом, но ведь появление по всей Москве пиццерий воспринималось как революция. Вдруг стало куда пойти и что съесть, и новые времена люди ощущали по изменившемуся доступу к продуктам.

В это время я подружился с мясником из магазина в нашем доме в Филях.

Замечательный парень, виртуоз рубки, он мне помогал купить только появившийся кофе «Нестле» растворимый и венгерский сервелат колечком – то есть это была уже середина 80-х. Я ощущал себя французским графом и был зван в любую компанию.

Перестройка ощущалась в первую очередь изменением режима питания – наверное, это была первая из обретенных свобод.

Рыночное головокружение

Вдруг стало ясно, что на смену ясному ожиданию завтра приходит смутное ощущение тревоги. Не то чтобы надвигается беда, но все уже как-то не совсем привычно, многое становится можно, особенно тем, кто, с одной стороны, при разрешающих подписях, а с другой – не с закостенелыми мозгами. Все бросились подрабатывать, продолжая числиться в разных местах лаборантами, дворниками, да кем угодно – культура рабского хранения трудовой книжки была всегда. Это было связано со многими причинами, в первую очередь с кризисом государственной нравственности и потерей общего направления движения страны; на смену единому врагу и вечному ожиданию войны с ядерным катаклизмом пришла довольно специфическая борьба за власть, выражавшаяся в столкновении разных политэкономических моделей. Частичная реабилитация рыночников привела к поиску новых форм, которые никто особо не понимал и все немного побаивались, но тем не менее пробовали.

Я деньги зарабатывал всегда, не особо увлекаясь государственными играми. Первый опыт обогащения не путем варварского использования собственной грубой силы в стройотрядах и на овощных базах мне преподали в МИСиСе.

Оказывается, можно было прилично заработать как на переводе технической литературы, особенно учитывая, что качество никого особенно не волновало, так еще и лаборантом на полставки. Кроме этого, можно было вести секции карате – а это уже приличные деньги. Если же гонять машины из Средней Азии, что рискованно, но интересно, то деньги и вовсе сумасшедшие.

Рынок был готов сожрать все, что угодно. Помню, как после окончания института и до вступительных экзаменов в аспирантуру я устроился работать дворником во дворец им. Горбунова; четыре участка – 280 рублей, что очень прилично. Рядом со мной работал Виктор, замечательный мастер по пошиву и чуть-чуть запойный. Как-то раз он взял меня на приработок в аэропорт Внуково, там мы упаковывали багаж в бумагу и обвязывали бечевкой, чтобы был сохраннее. За 12 часов смены я стер пальцы в кровь, но, получив 300 рублей, об этом и не думал. Виктор научил меня и шить замечательные модные шапочки из индийского белья – комплект стоил 3 рубля 30 копеек, и его хватало на 4 шапочки по 10 рублей каждая, с красивым накатом «Найк» или «Адидас», которые стоили по 20 копеек и поступали из Польши. Готовые шапочки влет шли у метро. Главное было не попасть под дождь в этом чудном изделии, а то оно теряло форму и садилось на голову бесформенным мешком. А еще можно было взять верх бельевого комплекта, вырезать рукава и шить брючины, приверлочить широкую резинку, вшить в горловину такую же и, пустив выпуклый прорезиненный накат через всю грудь и снабдив ярлыком «Made in USA», продать уже за 80 рублей. По нынешним понятиям чистое надувательство, а тогда очень даже честный труд. Смешно вспомнить, как я покупал остатки материала в магазине «Ткани», кроил платья, собирал их и продавал. А ведь были и чисто спекулятивные способы. Шубы в Польше стоили в три раза меньше, чем у нас в комиссионных магазинах, и существовал целый механизм их продажи через паспорта друзей и знакомых. Я осознанно не рассказываю о старых методах фарцовки и утюжки, то есть чейнджа с форинами тряпок на икру, или уж вовсе о криминале – торговле валютой, иконами и антиквариатом, так как это все не было приработком честных советских интеллигентов и входило в довольно криминальную часть жизни, находившуюся в сфере интересов все еще существовавшего КГБ.

Многие в то время почувствовали вкус к жизни и стали использовать основное место работы как базовую подпитку собственного бизнеса, откусывая сначала помаленьку, озираясь на вышестоящие инстанции, а потом открывая рот все шире и шире, шалея от денег и вседозволенности. Авиационные заводы, на которых вдруг появлялись кооперативы по производству

кухонных часов из сковородок, расписанных под палех, очень скоро стали терять заказчиков по ремонту и апгрейду военной техники, проигрывая кооперативам, которые возглавляли их еще числящиеся в штате руководители. А аферы по продаже за рубеж танков, а на шумевший «Антей» и прочие предметы воспоминаний Тарасова и иже с ним! Изменения накапливались, уже можно было зарабатывать сумасшедшие деньги и не оказаться в тюрьме, но система еще держалась. Еще был страх и трепет перед властью, сидела мысль, что в один момент все может кончиться, опомнятся старые вожди, дадут директиву КГБ и вновь прикроют нэп, и кооперативные рестораны вернутся к своему прежнему туалетному прошлому.

Было безумное ожидание, но окончательного расслоения не происходило. Ларьки были повсюду, и Москва постепенно превращалась в гигантский рынок, но пуповина с советским прошлым пока не была перерезана – еще не прозвучал выстрел стартового пистолета, еще не вышли на оперативный простор будущие олигархи и бандиты, они все еще числились в институтах и на заводах, все еще носили погоны и партбилеты, все еще были в тени, маски были не сняты.

Ростки свободы

Для меня всегда была загадкой личность Горбачева. Я встречался с Михаилом Сергеевичем много раз и так и не смог найти ответы на вопросы. Его версия событий отличается от моего ощущения. Я не думаю, что он был таким уж демократом, когда начинал перестройку, уверен, что он совсем не планировал краха социализма. Все выглядело иначе. Для меня перестройка и гласность были всего лишь этапами борьбы за власть. Михаил Сергеевич ведь не был сильной политической фигурой, когда оказался на самом вершине политической иерархии. Не принадлежал к мощным кланам, не комитетчик, не из военных, не аппаратчик, не московский (гришинский) и не питерский (романовский) – если угодно, идеальная переходная фигура, разменная монета на период временного клинча противоборствующих группировок. Этаким первым царствующим Романов, удел которого быть декоративным правителем и не мешать боярам-партократам. Ошиблись, просчитались, не учли врожденного ума и амбициозности, поддерживаемых супругой. Михаил Сергеевич использовал прессу для решения собственных задач, напустив ее на сильные кланы, и первым начал войну компроматов в современной российской истории. Причем забавно, как гласность начиналась изнутри партийных структур и обновление общества, его постепенное прозрение шло сверху, а не снизу. Дверку приоткрыли, надеясь, что удастся смыть неугодных, а вот удержать не смогли – плотина рухнула, и вырвавшаяся на свободу стихия погребла всю идеологию социализма-коммунизма.

А ведь как все трогательно начиналось! С отмывания ленинского наследия, с борьбы с закостенелыми пережитками и формальными трактовками марксизма. Театры увлеченно бросились подкрашивать труп Ленинианы шатровскими изысками, все возбудились от собственной разрешенной смелости и бросились штудировать ленинское наследие, по-прежнему пытались в нем найти живительный источник мудрости. Не вышло. Оплот революционной мысли того времени – журнал «Коммунист», где трудился выдающийся знаток марксистско-ленинского наследия, зам. главного редактора товарищ Егор Тимурович Гайдар, не справился с поставленной задачей, и труп великого учения не ожил и не задышал, а доказал свою полную несостоятельность.

Партийные кланы национальных республик, осознав опасность горбачевского курса для собственного правления, приняли историческое решение на дрейф от Москвы и России. Экономика, не понимавшая противоречивых команд, идущих из идеологического центра, стала давать сбои. Заточенная на военные цели, она не могла вместо пушек с той же эффективностью тачать скороварки и вместо солдатских и тюремных роб завалить страну модными шмотками. Пророческая речь академика Абалкина была высмеяна, и вера в ускорение и конверсию по-прежнему царил в мозгах правящей элиты.

Ревизия современной политической мысли не могла в конечном итоге не дойти до своего естественного конца, которым стал уже не бытовой, а вполне научный и осознанный антикоммунизм, принимавший форму крайнего национализма на окраинах империи и в самой России.

Ненависть к партии привела к появлению шовинистических организаций, и на некоторое время даже всерьез стали воспринимать «Память» Васильева, постепенно выродившуюся в костюмированную пошлость.

Постепенно всплывали забытые имена и произведения, их с жадностью читали, обсуждали, ужасались картинам былого и восхищались способностью видеть будущее, хотя описанное для нас, современников, уже было днем вчерашним. От Шаламова к Бердяеву произошло скольжение общественного сознания, но так и не нашло ответов, как жить, хотя и утвердилось в понимании, что жили несправедно.

Радикалы нашли идеологически близких черносотенцев, ревизионисты истории – как господина Фоменко с Каспаровым – народовольца Макарова, а у лавочников проснулась любовь

к купечеству и на всякий случай к Столыпину. В любом случае эпоха с 1861-го до 1905 года стала модной, и публике на радость попозже явился Эраст Фандорин, бросивший умничать и начавший развлекать.

Так что можно констатировать, что идеологическая поляна пустовала, хотя политическая жизнь продолжала быть бурной и популярность трансляций заседаний Верховного Совета народных депутатов СССР была выше, чем у современных юмористических передач.

В левом, коммунистическом спектре был разброд и попытки ревизии по польскому сценарию в стиле Ципко, перебиваемые ортодоксами с их «неспособностью молчать» – перефразируя заголовок статьи Нины Андреевой. Вышедшие из подполья диссиденты уверенно довершали разгром некогда мощной идеологической доктрины, но вот предложить что-нибудь свое не очень-то и получалось, как, впрочем, не получается и теперь. Все строилось на разных гранях отрицания прошлого, но фундамент нового никак не хотел появляться, колоссальный идеологический голод заменялся личностным обаянием и ораторским искусством. Пришло время Собчака и Жириновского, столь непохожих порождений одной эпохи, каждый из которых скорее развлекал, чем анализировал.

Мы не осознавали тогда комичности происходящего. Все было на разрыв аорты, казалось, что истина где-то рядом и вот-вот прожектор перестройки выхватит ее из тьмы и мы заживем совсем по-другому. И изменения происходили, просто память выборочна, и как-то уходят в прошлое кровавые укусы умирающей советской власти.

Рок-фестиваль в Тбилиси 80-х с «Машиной Времени» и «Аквариумом» вспоминаются, а вот бойня саперными лопатками нет, куда-то ушли Нагорный Карабах и рижский ОМОН, но осталось землетрясение в Спитаке. Многое память пытается стереть.

А ведь все было, был и странный август 1991 года.

Путч – странный август 1991-го

Я в этот момент находился в Америке и наблюдал за происходящим по телевизору, а моя семья была в Москве. Когда появились первые сообщения о ГКЧП, я попытался дозвониться до дома, и мне это сразу удалось, что было очень непохоже на мое представление о всемогущем монстре, вернувшемся в свое логово. Помню, как поймал себя на мысли, что плохо они учили заповеди вождя – почту, телеграф, телефон в свои руки не взяли.

Позволю себе следующее замечание: если бы не погибшие в тоннеле под Новым Арбатом ребята, то все происшедшее было бы окончательным фарсом, глупой опереттой с таким же нелепым финалом в Беловежской Пуще, который уж точно не приветствуется многими россиянами.

Во время передачи «К барьеру!» Алексей Митрофанов в высоком, как, впрочем, и всегда, эмоциональном запале кричал Геннадию Гудкову: «Почему вы, офицер КГБ, не взяли пистолет и не защитили страну тогда, в 1991-м, когда ее разламывали на части?!» На очевидный вопрос оппонента: «А чем вы занимались в этот момент?» – последовал классический российский ответ Алексея: «Я был на даче...» В Москве было очень жарко, страна была на даче. Уже позже стало ясно, чего хотели гэкачеписты, точнее, как это всегда происходит в России, чего они не хотели – развала СССР.

Эти дни расписаны по минутам. За время своего телевизионного и внеэкранного общения со многими участниками событий мне так и не удалось понять, какова же на самом деле роль Михаила Сергеевича Горбачева.

Героев этой борьбы много, про победителей уже не скажу – история как-то сглаживает акценты, оставляя гораздо больше вопросов, чем ответов.

Повергнутый памятник Дзержинскому, радость толпы.

Помятый Горбачев, понуро и неуверенно спускающийся по трапу самолета, приземлившегося во Внукове, и Ельцин – мощный седовласый красавец с гордо вскинутой вверх рукой. Слабость и сила, смена эпох.

Чем больше я читал высказываний Горбачева, чем больше трогательных подробностей всплывало об истории заточения в Форосе, о радио на чердаке, прогулках по морю, прилете гэкачепистов, тем менее убедительно все это звучало.

Я ни в коей мере не пытаюсь поставить под сомнение правдивость Михаила Сергеевича, я испытываю к нему чувство глубочайшей симпатии, просто не могу заставить себя поверить в предложенные ответы. Должно быть, время для правды еще не наступило, а может быть, и ушло, и уже и не важно, чего хотели, да и зачем.

Говорили, что заговор погубила интеллигентность Крючкова. Не мог он отдать приказ действовать в Москве, как в Кабуле при захвате дворца Амина, хотя тогда все подразделения еще не потеряли боевой готовности и могли бы выполнить любой приказ. Может быть, не знаю. Если верить мемуарам всех участников (вымарывая проявления мании величия), то скорее все было связано с отсутствием ярких личностей в ГКЧП, способных разработать и осуществить столь крупную операцию.

Несоответствие ноши масштабам личности проявилось и в запое Павлова. Ну и, конечно, самая яркая картинка провала – это трясущиеся руки Янаева.

Многие мне говорили, что, когда они увидели эти кадры, им стало ясно: все это не надолго. Наверное, они правы. Тем не менее 1991 год – абсолютно поворотный в истории России. Именно тогда люди вышли на улицы, пусть и не всюду, но там, где было наиболее страшно, и требовали не куска хлеба, а глотка свободы. Я не думаю, что они верили, что все хорошо закончится, скорее нет, и именно их бесшабашная смелость привела к поражению заговорщиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.